

Ч У В С Т В О
В И Н Ы

Ольга Маркони

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олли Маркони

Чувство вины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57356240

SelfPub; 2020

Аннотация

Июль. Маленький российский городок. Главный герой по имени Мар возвращается на лето домой, чтобы повидать мать и сестру. Но вместо ностальгических воспоминаний из детства, разговоров по душам с родными и прогулок по знакомым улицам, Мара ждут только разочарование, насмешки и хроническое чувство вины. И если в далеком прошлом никто не помог ему почувствовать себя "нормальным", то это не значит, что он сам теперь не может стать спасением для двух таких же запутавшихся молодых ребят, застрявших в этом маленьком городке. Если, конечно, на спасение еще останутся силы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	4
2.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

1.

Мы встретились в июле. Не помню, что за год это был, но лето выдалось душным и сухим тогда. Я изнемогал от жажды, старался незаметно облизывать трескающиеся губы высушим языком, теребя в кармане уже изрядно помятую купюру. Я шел с вокзала, сжимая ручку тяжелой сумки в левой руке и сумки для ноутбука в правой. В округе не было даже сраного ларька, такого, где маленькую бутылочку воды можно купить втридорога. В округе вообще ничего не было, кроме старых жилых домиков, будто это место из постапокалипсиса. Я шел медленно, едва волоча уставшие ноги, внутренности во мне запекались, словно овощи в глиняном горшочке, и каждая прозрачная тень, от дерева или дома, была настоящим спасением. Кто знает, сколько я бы протянул ещё, если бы моя сестра Вера не вышла меня встречать? Я как раз шел к нам домой, усиленно пытаюсь вспомнить дорогу, но последний раз я был здесь так давно, что теперь знакомые когда-то места начали казаться чужими. Бродя по жаре уже битый час, безуспешно вспоминая повороты и названия улиц, я проклинал свой разряженный телефон, дырявую голову и время, которое стерло все мое детство в этом месте, оставив только редкие кадры. Вера, видимо, ждала меня слишком долго и начала волноваться. Заметив мой сторбленный силуэт в конце улицы, она лениво махнула рукой,

все-таки не двигаясь с места и продолжая стоять. Ее присутствие в поле моего зрения дало мне немного сил, чтобы ускориться. Последний рывок, заплетающийся неровный шаг, я жму ее руку и улыбаюсь во все тридцать два, кивая ее приветствию.

– Ты долго. Дорога домой забылась? – спросила она. В голосе ее не было ни заботы, ни жалости, только раздражение и снисходительность.

– Давно здесь не был, совсем из головы вылетело.

– Не башка, а корыто дырявое! Двигай уже, а то я тут вспотела.

Возле калитки мы немного повозились со ржавым замком, с трудом втыкая и вытыкая ключ, а когда вошли ещё минут пять пытались успокоить разбушевавшуюся собаку.

– Совсем дурной стал, подохнет скоро, наверное, – безразлично сказала Вера, пристегивая животное на цепь.

– Если дурной такой, почему свободно по двору шастает?

– Так он только на чужих кидается, со своими ласковый.

Пока мы шли по каменной дорожке к двери дома, я смотрел по сторонам и думал. Слева был куст сирени, которую мы обдирали в детстве, мечтая найти столько пятилистных цветков, чтобы исполнить все свои желания на сто лет вперёд. А желали мы тогда велосипеды, машинки, ролики или карандаши, может, чипсы и конфеты, чего ещё хочется детям. Будь у меня на языке этот цветок сейчас, я бы загадывал совсем другие вещи. Под сиренью была песочница, вот уже

много лет пустующая, потому что дети выросли и больше не лепят куличики и не копают ямки. А возле нее беседка, тут мы с Верой обычно играли в королевскую семью, где она была королевой, а я ее слугой. Возражать не было смысла, да и желания. Делать то, что велят – довольно простая стратегия игры. Но сейчас я чужой. Приезжаю в дом, где я вырос, а чувствую себя незванным гостем.

Из дома доносятся голоса.

– Это мои друзья, пришли выпить по пиву, – говорит Вера, заметив мой задумчивый взгляд.

– Ничего, что я к вам присоединюсь? Надо было все-таки заранее тебя предупредить, что я приеду.

– Да, было бы хорошо.

На предыдущий мой вопрос она не ответила, видимо надеясь, что я прочитаю ее недовольство между строк.

Вера легко скинула резиновые шлепки и теперь стояла, притопывая босой ногой, пока я развязывал шнурки на своих кедах.

– Все так же копаешься, черепаха! – недовольно сказала она.

Я молча кивнул, поправляя носки.

Мы вышли в гостиную и три пары заинтересованных глаз уставились прямо на нас.

– Это Мар, – коротко представила меня Вера друзьям, – Мар, это Ева, Макс и Икар.

Никто не предложил мне сесть, рассказать о себе или вы-

пить. Можно было подумать, что эти люди просто не замечали моего присутствия, если бы их пристальные взгляды не прожигали мою кожу, как паяльники. Ребята молчали, изображая глубокую задумчивость, а я разглядывал свои оранжевые носки.

– Ну, как там Лиза? Говорят, она залетела,– вдруг заговорила Вера. Тот, кого она представила Максом, сразу же оживился.

– Так и есть, я сам видел,– закивал он.

– От кого же? – спросила Ева, хотя лицо ее не выражало никакого интереса.

– Да кто ж ее знает, у нее между ног не дырка, а яма здорюющая, – сказал Макс, заставляя Веру хихикнуть.

– К твоему сведению, вагина имеет свойство растягиваться и возвращаться в начальную форму, – это сказала Ева.

– Избавь от подробностей, мне это знать не нужно.

– Ну, если ты решил до конца своих дней не приближаться к женщинам, то и правда не нужно.

– Просто это мерзко. Говорить о вагинах и вещах, которые из них выходят, – лицо Макса скривилось в отвращении.

– Мне тоже мерзко от вещей, которые выходят из твоего рта, но я могу это принять, как должное. Почему у тебя с этим проблемы?

– Давайте без этого дерьма, ребята. Ева, расслабь булки, никто не посягает на твой феминистский авторитет, – встрял в разговор Икар. Голос его был чуть хрипловатый от долгого

молчания, он тихо откашлялся.

– Разве плохо, что я не хочу терпеть всякую херню из уст типичного гетеросексуального мужика, который никогда в жизни не слышал о физиологии женщин?

– Оставь это, лучше заткни свой рот бутылкой, – резко ответила Вера, поднимая руку и как бы призывая обе спорящие стороны к миру.

– Да почему все на меня наехали? Разве я это начала?

– Ева...

– Нет, Вера, я же не выпендриваюсь просто так, я хочу что-то изменить, достучаться до вас, неучей! А вам лишь бы сидеть в своей зоне комфорта на жопе ровно и не высовываться.

– А я согласен. Феминизм – это важно, как и сексуальное образование, включающее в себя изучение анатомии разных тел с разным набором гениталий,—сказал я.

–Фу, что ж вас так и тянет на всякие мерзкие темы потрепать?

– Ты, Макс, просто эгоист, сексист и придурок! А ты... Как там тебя зовут? – Ева повернулась ко мне всем корпусом, решив, видимо, что я стою такой чести, раз принял ее сторону.

– Мар.

– Мар... Это сокращение? От какого имени?

– Разве это важно?

– Секретики? Люблю такое. Скрытные люди, обычно, по-

тому и скрытные, что внутри у них что-то страшное.

– Может быть, – я пожал плечами.

– А тебе сколько лет?

– Я на год младше Веры.

– Девятнадцать, значит? Здорово...

– Ева, оставь человека в покое, – Вера подняла голову от телефона и посмотрела на подругу слишком серьезным взглядом.

– Да всё нормально, я не против, – ответил я.

– Смотри, как бы она тебе голову всяким дерьмом не забила, – моя сестра покачала головой.

– Я же не маленький, сам разберусь, – ответил я, краем глаза замечая, как губы Евы расплываются в улыбке.

Мы сидели так где-то час, может, больше. Желудок мой крутило от голода, я изо всех сил пытался сдержать урчание, чтобы избежать неловкости. За разговорами время летело быстро, хоть каждая тема и превращалась в итоге в спор. Конфликты возникали из-за разницы мировоззрений Евы и Макса, а все остальные меняли сторону в зависимости от того, с кем были согласны в конкретном вопросе.

– Вера, – позвал я, когда разговоры сошли на «нет» и молчание затянулось, – А когда мама вернётся?

– Поздно, у нее сегодня полная смена.

– Мне скучно, давайте поиграем? – Ева заерзала на ковре, ожидая только положительных ответов. Я не смотрел на ее лицо прямо, но все равно видел, как в глазах ее пляшут

черти.

– Во что? – лицо Макса выражало осторожность и подозрение

– В «правду или действие»? «Я никогда не...»? Бутылочку?

– Никаких бутылочек, людей мало и половина из них – родственники, – возразила Вера.

– Хочу в правду или действие! – оживился Икар.

– Может, начнёшь тогда? – Ева потянулась за пустой бутылкой и протянула другу. – Крути! На кого покажет горлышко, тот и выбирает.

Икар крутанул со всей силы. Мне вдруг показалось, что бутылка вращается целую вечность, так и норовя указать на меня. Но горлышко показало на Еву.

– Правда, – уверенно сказала она.

– Тебе приходилось спать с девушками?

– А все вопросы будут про секс? Потому что я не слишком хочу рассказывать вам какой рукой я дрочу и на каких порносайтах нахожу контент для этого дела.

– Давай без выпендрежа, сама же предложила, ну!

– Ладно. Да, у меня был сексуальный опыт с девушками. Несколько раз. Доволен? Моя очередь.

Ева откинула розовую прядь волос назад, усаживаясь поудобнее, а потом крутанула. Горлышко указало на меня.

– Мар? Правда или действие?

– Правда.

– Что у тебя с ориентацией? Ты по девочкам?

– Ну, я не гетеро, – уклончиво ответил я.

– Гетеро – это кто? – нахмурился Макс. Обилие незнакомых слов его злило.

– Натурал, – шепотом подсказал другу Вера.

– Значит, девушки тебя привлекают? – Ева придвинулась поближе, с любопытством заглядывая мне в глаза.

– Да... – от нее пахло лавандой и пивом.

– Теперь ты крути.

Мама вернулась действительно поздно, друзья Веры давно успели уйти. Мы наскоро прибрались в гостиной, скрывая следы пребывания здесь посторонних людей, и уселись на диван ждать. Когда входная дверь отворилась и мама заметила меня, выражение ее лица сменилось тысячу раз за одну секунду. От мгновенной радости до разочарования.

– Привет, – поздоровался я. – Хотел сделать вам сюрприз.

– Получилось. Ты что, покрасилась?

– Давно ещё, скучно стало просто.

– Синий тебе идёт.

– Спасибо.

Метаморфозы в моей внешности мама ненавидела чуть ли не больше, чем мои речи в защиту всех угнетенных.

– Вы голодны? – спросила она, начиная разбирать пакеты.

– Я – нет, – сказала Вера.

– А я бы не отказался. Что есть?

– Суп куриный, курочка домашняя, жирная. Наваристый

вышел суп. Будешь?

– А больше ничего?

– А ты что, теперь ещё и вегетарианка?

– Нет, просто...

– Я купила хлеб, можешь его есть.

– Ну не злись...

– Да что с тобой разговаривать! – Мама махнула на меня рукой и скрылась на кухне.

Мы с Верой остались в гостиной вдвоем.

– Когда тебя нет, она намного спокойнее, – сказала она. Я раздраженно хмыкнул и посмотрел на нее.

– Что б ты знала, я тоже не в восторге от того, что нахожусь здесь.

– Так на кой хрен ты тогда приперлась? Тебе здесь никто не рад!

– Мама просила. Давно еще. Я тут уже больше года не был, Вера. Ты правда ни капельки не скучала?

– По тебе-то? По своей младшей сестре – да, а по этому убожеству, которым ты стала – ни разу. Свали к себе в комнату, не мозоль глаза! – Вера толкнула меня в грудь и вопреки своим словам ушла сама.

Я только слизал с губ остатки горечи после её слов, и сразу же последовал примеру сестры, скрывшись за дверью своей комнаты до глубокой ночи. Было обидно, но я хорошо понимал свою сестру. Раньше мы были очень близки, всем делились друг с другом и всё время проводили вместе, иг-

рали, смеялись, гуляли. А потом вдруг выросли. Дороги наши заметно разошлись, когда я впервые заговорил о том, что чувствую. Когда начал коротко стричься, отказался от косметики, влюбился в подругу. Мне очень хотелось рассказать Вере о своей первой любви, каждую деталь, каждое прикосновение и взгляд, но стоило мне назвать женское имя вместо мужского, как в меня полетели оскорбления и угрозы всё рассказать маме. Жить в постоянном страхе, очевидно, почти невыносимо. Я не знал, что будет, если маме станет всё известно. Не знал, в самом ли деле Вера хочет раскрыть меня перед ней. Я тогда ничего не знал, только больше замыкался в себе и меньше разговаривал с посторонними. Такая жизнь похожа на бесконечную готовность к прыжку. Как дикое животное, ощущающее опасность, уже оскалившееся и выпустившее когти. Вот-вот случится что-то ужасное, надо быть наготове, надо разинуть пасть и схлопнуть челюсти, когда чужая голова будет внутри. Постоянная нужна на всех рычать и скалиться, потому что кажется, будто каждый второй человек в твоей жизни – враг. Это жуткий стресс, и я не жалею, что при первой же возможности уехал из города. Но Вера этого не поняла и до сих пор не простила.

А в полтретьего на мой телефон пришло оповещение. Это было сообщение от неизвестного пользователя.

"Привет еще раз. Нашла тебя в друзьях у Веры. Это Ева, если что. Чем занимаешься?"

"Привет. Ничем. А ты?" – ответил я.

"Я тоже. Стало скучно, подумала написать. Ты надолго здесь?"

"На месяц точно. А что?"

"Просто. Не хочешь как-нибудь потусить вдвоем? Я думаю, у нас много общего ;)"

«Ладно»

2.

Бывают такие люди, с которыми всё происходит легко и просто. Никаких тебе страхов, тревожностей, неловкостей или дискомфорта. Разговоры складываются сами собой, секреты открываются без опаски быть осужденным, а тело будто само тянется к чужим рукам за горячей лаской. Можно не заметить, как стал называть этого человека другом, как разболтал ему все свои тайны, а после позволил залезть под футболку, касаясь сначала кожи, а потом – сердца.

С Евой мы выбрались в парк уже на следующий день. Это место было милым, пахло цветами и сладкой ватой, потому что совсем поблизости была площадка с аттракционами и киоск со вкусностями. Мы сошли с каменной дорожки, затеявшись в высоких деревьях, которые, должно быть, растут здесь с самого основания парка, а когда голоса людей и музыка из колонок совсем затихли, наконец-то остановились. Ева залезла в свой сиреневый рюкзак и вытащила оттуда тоненький клетчатый плед. Она встряхнула его, тут же принимаясь аккуратно его раскладывать на траве, а потом, закончив, плюхнулась поверх, вытаскивая непонятно откуда, как какой-то фокусник, баночку вишневой колы. Она сделала несколько глотков, оставляя на краях смазанные следы красной помады.

– Хочешь? – спросила она, заметив, что я пристально

смотрю на банку.

– Нет, спасибо.

Ева бросила на меня странный взгляд, но сразу же отвернулась. Сквозь крону дерева, под которым мы расположились, просачивались лучи палящего летнего солнца. Они были тонкими струйками, одна из которых падала Еве на лицо, задевая светлые ресницы и будто делая акцент на брызге рыжих веснушек на её щеках.

– Почему ты захотела встретиться? – спросил я, с трудом отводя взгляд от этого зрелища.

– Ты не похож на свою сестру, ты гораздо интереснее. Она такая ханжа, такая узколобая и вредная, а ты кажешься мне очень открытым и прогрессивным человеком. Я права?

– Пожалуй.

– Расскажи мне, что тебе нравится?

– Например?

– Ну, какой твой любимый цвет? Какую музыку слушаешь? Любимые книги? Чем занимаешься в свободное время?

– Я люблю желтый, – коротко ответил я.

– Хочешь быть человеком-загадкой? Ладно, валяй. Я тоже люблю жёлтый. Видишь, как мы похожи? Я думаю, это судьба. – Она широко улыбнулась.

– Вера сказала, что ты художница.

– Ты спрашивал обо мне?

– Просто любопытство.

– Можно мне тоже полюбопытствовать? Почему ты обращаешься к себе в мужском роде? То есть, это нормально, я принимаю такие вещи, но мне интересно. Прости, что спрашиваю.

– Я понимаю, это может смущать, но ты привыкнешь. Мне так просто комфортнее, что ли, спокойнее. Проще и приятнее быть Маром, чем тем, кем я жил здесь до того, как уехал.

– Еще одна тайна, надо же! Чем больше мы говорим, тем меньше я о тебе узнаю.

– Это не тайна. Просто, здесь было тяжело. Маленький город, маленькие люди, сама понимаешь, – я криво улыбнулся, пожимая плечами.

– С маленькими мозгами, ага. Тебя здесь обижали? – Ева сжала кулаки, будто готовясь прямо сейчас навалить всем, кто посмел меня когда-либо задеть.

– Нет, просто не понимали. Сейчас всё в порядке. Это совсем не важно.

– Я тоже отсюда уеду однажды. Куда-то, где меня будут уважать и воспринимать всерьез, слушать, замечать. Может, даже в другую страну, более прогрессивную и толерантную. Чтобы не смеялись надо мной и не называли душой. Хотя, может я и правда дура, раз верю в это?

– Нет, конечно. Ты дура, только если думаешь, будто верить в лучшее будущее – глупо. Ничего не мешает тебе обратиться отсюда, не сейчас, но однажды.

– Мне кажется, я уже проебала все шансы и стала слиш-

ком взрослой для чудесного спасения. А вообще, какая разница? – она подпрыгнула на месте и снова залезла в рюкзак. На этот раз оттуда она достала пачку желтых M&M.

– Большая разница! Не отмахивайся от своих мечт, это очень важно. Я верю, что у каждого человека в этом мире есть своя миссия, у кого-то глобальна, у кого-то совсем маленькая, но главное, что никто не находится здесь зря. Тем более такие как ты. Если ты художница, это уже делает тебя особенной, ведь у тебя есть дар создавать прекрасное. Значит, ты уже живешь не зря! – Ева посмотрела на меня смущенно и опустила глаза.

– Думаешь, у меня есть будущее? – спросила она.

– Большое и прекрасное, – кивнул я.

И когда сквозь листья над нашими головами стали просачиваться уже розовые лучики, означающие, что день подходит к концу, Ева взяла меня за руку. Её веснушчатые щеки слегка покраснели, реснички задрожали, а красные губы растянулись в смущенной улыбке. Она неуверенно переплела наши пальцы.

– Думаю, нам нужно сходить куда-нибудь и перекусить, – тихо сказал я.

– Да. Как насчет моего дома? – так же тихо ответила она.

– Если обещаешь сделать мне чай. Я люблю черный, с двумя ложками сахара.

– Обещаю.

Дом Евы оказался большим двухэтажным зданием с бе-

лым заборчиком и первоклассным ремонтом. Во дворе не было ни клумб, ни грядок, только аккуратные декоративные деревья и брусчатка. Еще здесь стояла деревянная беседка, в которой, вероятно, было бы очень классно с утра пить чай, почитывая, скажем, Тургенева, и слушая пение птиц. Мое внимание привлекли красивые качели с розовыми подушками на сидении, которые делали этот двор еще больше похожим на картинку из какого-то журнала. В общем и целом, всё выглядело мило, хоть и чересчур вылизано, словно всё было сделано для удобства хозяев, а хозяева предпочитали совместному досугу на свежем воздухе, раздельное времяпровождение внутри дома. К слову, внутри всё было так же идеально, как снаружи. Чистые коридоры, паркет на полу, на стенах картины, не дорожные, конечно, но довольно симпатичные, и не единой семейной фотографии. Я с любопытством заглядывал в щели не до конца закрытых дверей, когда мы шли мимо. Там я видел то убранную большую кровать, с плотным покрывалом, то просторный кабинет с массивным деревянным столом и строгой, одноцветной библиотекой. Но когда мы добрались до комнаты Евы, и она пригласила меня войти, впечатление бездушности дома мгновенно испарилось. Её комната, в отличие от всего, что я увидел ранее, была, конечно, такой же аккуратной и элегантной, но обои здесь дырявили кнопки, держащие плакаты и рисунки, рабочий стол был завален красками, карандашами и смятыми бумажками, а на полу, прямо на мягком белом коврике,

валялись розовые носки с единорогами. Ева заметила мой взгляд и немного смутилась.

– Тут небольшой бардак, извини. Я бы сказала, что обычно здесь чище, но это ложь. Я люблю устраивать бардак, – она пожалала плечами. – Пойду, поставлю чайник, посиди пока здесь. Можешь осмотреться.

Ева вышла, а я сел на край кровати и уставился в стену. Конечно, эту комнату хотелось разглядеть получше, хотя бы потому что здесь было много фотографий и рисунков, но я вдруг почувствовал, что внутри меня что-то горит и дым этого чего-то застилает мне глаза. Я думал о том, что на этой самой кровати лежала Ева. Она, наверное, была в какой-то шелковой пижаме, может, в коротких шортах или вообще в ночнушке. Есть ли веснушки на остальное её теле? На плечах, груди или ногах? Она, наверное, выглядит крайне мило спросонья, с припухшими голубыми глазами и сонными пылинками на ресницах. Вылезая из кровати, она надевает тапочки или идет в ванную босиком? Я заглянул под кровать, проверяя пространство под нею на наличие тапочек, но там было пусто. «Значит, ходит босая,» – подумал я.

Вскоре, Ева вернулась с железным подносом, на котором стояли две одинаковые кружки, вазочка с печеньем и блюдце для использованных чайных пакетиков. Она улыбнулась, ставя свою ношу на стол, и протянула мне кружку.

– Черный, два сахара, как ты и просил.

– Спасибо, – я принял у неё из рук чай и сделал маленький

глоток. Напиток пах цитрусом.

– Ну, как тебе моя комната? – Ева села рядом со мной.

– Очень милая. Столько всего, плакаты, рисунки, фотки, как в настоящем музее.

– Хочу, чтобы здесь было уютно.

– По—моему, у тебя хорошо получается.

– Иногда мне кажется, что это как-то по-детски. Все-таки, мне уже далеко не двенадцать, а до сих пор страдаю херней и обклеиваю обои картинками. Мама говорит, что мне нужно повзрослеть.

– Это всё глупости. Взрослость не определяет количество картинок у тебя на стене.

– Я-то с тобой согласна, но мама... А вообще, что она понимает? Ей было двадцать, когда она родила, для неё обзавестись ребенком и мужем – значит стать взрослым человеком. Она и меня постоянно клюёт на этот счет, мол, когда уже замуж? А я не знаю, как ей сказать, что если свяжу себя узами брака, то только с женщиной.

– Так ли важно ей вообще говорить? – я отхлебнул еще чаю, а Ева повернулась ко мне лицом и пристально посмотрела в глаза.

– А ты своей говорил?

– Нет. Незачем ей знать.

– Но разве не хочется поделиться с мамой, что кто-то проявил к тебе интерес, или что ты к кому-то, ну, знаешь...

– Хочется. Раньше, когда всё было проще, в школе, класса

так до седьмого, я ей рассказывал. О мальчиках, которые мне нравились, и которым я нравился. Это было мило. Потом я вырос. Первые поцелуи, первые отношения, и когда это девушки – ей не расскажешь, а когда парни – она неправильно поймет.

– Почему неправильно?

– Для неё всё просто: есть мальчик и девочка. Мальчик с девочкой – нормально, а всё остальное – противоестественно. Но у меня-то всё иначе. Даже если я с парнями, я не становлюсь гетеросексуальным, не становлюсь девочкой. И если честно, иногда я стыжусь этого. Ну, своих отношений с парнями. Как будто это отнимает у меня моё право быть квиром.

– Я понимаю, кажется. Это грустно. Может, ты и прав. Может не стоит рассказывать ей никогда, что замуж я не собираюсь и если заведу детей, то не в этой стране, потому что рожать не хочу и жить с каким-то тупым сексистом тоже. – Ева нахмурилась, но глаза у неё были влажными.

– Я не настаиваю, у каждого свой путь, но, мне кажется, так будет лучше. Безопаснее и спокойнее.

– Наверное.

Я заметил, как по её щеке покатилась прозрачная слезка, но она быстро смахнула её рукой. Замерев на секунду, будто раздумывая над чем-то, она вдруг резко сорвалась с места и обняла меня. Прижалась всем телом, уткнулась носом мне в шею и тепло задышала. Я обвил руками её талию, не выпуская из рук чай.

– Так, – она отстранилась. – Давай-ка это уберем, – выхватила у меня из рук кружку и поставила на пол.

Мы снова обнялись и просидели так долго. Ева пахла сладко и мягко, какими-то духами, может, шампунем, кремом или косметикой. Я не стал разбираться. Двигаться не хотелось, говорить что-то тоже, но это мне, а Ева была другого мнения. Она опять разомкнула объятия, только на этот раз заменяя их чем-то более приятным.

Мне уже приходилось целовать с девушками, и я не стану врать, что этот поцелуй был каким-то особенным. Да, её губы были сладкими и влажными, ощущать её язык у себя во рту было хорошо, но это не было чем-то выдающимся. Однако, её запах, тепло её ладоней под моей одеждой, её тихие стоны – всё это действительно пьянило и сносило крышу. Может, именно это умение вводить людей в транс одним своим присутствием и делало Еву не такой, как все? В любом случае, именно эта конкретная девушка смогла перевернуть то лето с ног на голову, вывести меня из душевного равновесия, а это мало кому удавалось прежде.

Я помню, какими мягкими и жаркими были её груди, как часто она дышала и как смущалась, когда мои руки достигали случайно края её трусов. Помню горьковатый вкус её кожи, бледной и теплой, покрытой мелкими светлыми волосками, которые даже не заметны, если не пытаться поймать их губами, что я и делал. Ева была не из робкого десятка и быстро входила во вкус, когда дело касалось ласк. Она каза-

лась одновременно и уверенной, и взволнованной, сама терлась об меня, и сама же краснела, когда я отвечал.

Когда мы устали трогать друг друга и целоваться, когда появилось навязчивое ощущение, что мне пора домой, мы лежали на кровати почти голые и смотрели в потолок. Наши ноги переплетались друг с другом, губы пульсировали и наливались красным. Я тяжело вздохнул и поднялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.